

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

М.В. Флягина

О ДИАЛЕКТИЗМАХ НЕИСКОННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ДОНСКИХ ГОВОРАХ

Исследование диалектной лексики неисконного происхождения позволяет определить специфику формирования донских переселенческих говоров, которое происходило в условиях диалога различных этнических культур. Большинство из заимствованных слов прочно закрепились в местной лексике, развил лексические и семантические дериваты, и осознаются диалектоносителями как собственно донские (казачьи) названия.

Ключевые слова: *лексика неисконного происхождения, культурно-языковые контакты, переселенческие говоры, собственно лексические регионализмы.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2015-4-160-167

Флягина Марина Валерьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-951-828-00-58
E-mail: flyagina_75@mail.ru

Особое своеобразие донскому диалектному словарю придают иноязычные заимствования. Появление лексики неисконного происхождения в системе диалектного языка является следствием культурно-языковых контактов, являющихся неотъемлемой частью любой этнической культуры. Формирование русских донских говоров, как говоров вторичного образования, происходило на рубеже XVI – XVII вв. в условиях тесных междиалектных и межэтнических контактов. Особо ощутимым было тюркское языковое влияние, связанное с дорусским коренным населением окрестностей Дикого Поля, которое позже было плотно заселено славянскими народами. Поэтому такой симбиоз разных этнических культур не мог не отразиться в языке, в первую очередь проявившись в его словарном составе.

С точки зрения специфики совпадения со словами общенародного русского языка диалектологи выделяют две группы неисконных (заимствованных) регионализмов: собственно лексические регионализмы, не имеющие общерусских соответствий, и локально ограниченные лексемы неисконного происхождения, представляющие собой формальные и семантические модификации общерусских лексем. По нашим наблюдениям, в донских говорах преобладают регионализмы первой группы, поскольку собственно лексические местные названия обозначают явления окружающего мира, которые расширили привычную языковую картину мира русских переселенцев, находящихся в по-

стоянном контакте с коренным степным населением. Неисконные локально маркированные лексические единицы отражают особенности общественных, товарно-денежных отношений, религиозных воззрений, свойственных культуре тюркоязычных народов, названия которых и были заимствованы русскими.

Помимо тюркизмов, в лексике донского диалекта отмечаются также заимствования из иных языков – финно-угорских, славянских. Тюркизмы в основной своей массе заимствовались непосредственно, что обусловлено территориальным соседством в ранние периоды существования донского казачества. Финно-угоризмы проникли в донские говоры опосредованно, через северновеликорусские говоры, этих наименований немного: *кулига, майна, вайгак*. Заимствования из инославянских языков и диалектов могли проникать как вследствие прямых языковых контактов, так и путем иррадиации из соседних западнорусских диалектов. Большинство из заимствованных слов прочно закрепились в местной лексике, развил лексические и семантические дериваты, и осознаются диалектоносителями как собственно донские (казачьи) названия.

Региональные наименования неисконного происхождения охватывают всю сферу хозяйственно-бытовых отношений донских диалектоносителей, отмечаются среди названий природного мира и объединяются в следующие тематические группы: названия лиц по служебному положению, должности, профессии, занятию, национальности; военная лексика; торговая лексика, названия товаров, тканей, мер, денежных единиц и др.; производственная лексика и терминология, названия всякого рода строений; названия диких и домашних животных; наименования транспортных средств и их частей; бытовая лексика (названия предметов одежды, обуви и т. п., напитков, конской сбруи); наименования природных объектов.

Заимствованные названия лиц по служебному положению, должности, занятию, национальности в донских говорах представлены следующими лексическими единицами: *есаул, урядник, атаман, басурман (бусурман), абаш, ясырь, аманат*. Большинство из перечисленных наименований на сегодняшний день являются историзмами, так как смена политического устройства жизни донского казачества неминуемо привела к утрате прежних понятий, отражавших административные отношения внутри донского казачества. Отдельные названия претерпели семантическую трансформацию, изменив своё исконное значение, и продолжают употребляться в речи современных донских диалектоносителей. Так, слово *аманат*, согласно Фасмеру, заимствовано из тат., крым.-тат., казах. *amanat* «залог, поручение» (Фасмер 1: 75). В «Большом толковом словаре донского казачества» лексема отмечена в двух значениях: «1. Заложник. Баг... *Оставил при Хане и при всей его Орде Калмыцкой сына своего Степана аманатом, или заложником, с несколькими именитыми казаками* (Ригельман). 2. Жулик, обманщик. *Ни связывайси с ним: он аманат, враз абвидётъ* (Сл. Земц.). М.: Кач., Флн.» (БТСДК, с. 25). Очевидно, в данном случае произошла семантизация наименования вследствие ак-

туализации негативных признаков денотата и перехода слова в разряд экспрессивной, бранной лексики. Не исключено также, что появление вторичного значения могло быть обусловлено контаминацией с глаголом *обмануть*. В словаре также отмечены дериваты *аманатить* 'спекулировать', *аманатка* 'воровка', *аманатничать* 'заниматься спекуляцией, перепродажей', *аманатчик* 'обманщик', *аманатово дитё* 'бран. (по отношению к детям) обманщик' (БТСДК, с. 25 – 26).

Наименования *есаул*, *урядник*, *атаман*, имеющие, по мнению этимологов, корни в европейских языках, напротив, активно употребляются сегодня как в говорах, так и за их пределами, что связано с процессами возрождения казачества как воинского сословия и в связи с этим с актуализацией старых названий казачьих должностей.

Тематическая группа неисконных апеллятивов «Торговая лексика, названия товаров, тканей, мер, денежных единиц» в прошлом была достаточно многочисленной, об этом свидетельствуют данные памятника донской деловой письменности «Донские дела»: *атлас*, *багрец*, *гагрец*, *киндяк*, *кисея*, *лундыш*, *настрофиль*, *тафта*, *юфть*, *яхонт*, *канфа*, *канчаба*, *еренка*, *аглинь*, *фанза* (названия тканей), *бакша* (мера сыпучих тел).

Большинство указанных названий тканей и кожи в настоящее время не фиксируются ни словарями современных говоров, ни словарями современного литературного языка.

Одним из сохранившихся сегодня неисконных диалектных названий сорта ткани является слово *камка*. У Фасмера: «*Камка* шелковая узорчатая ткань» (Афан. Никит., также Дух. грам. Мих. Верейск. 1486 г. и т. д.); см. Срезн. I, 1186; много примеров из XVI в. у Корша (AfsIPh 9, 516); польск. *katcza* – то же (с XV в.; см. Брюкнер 215). Заимств. из тат., казах., кирг., алт. *kamka* «ткань из шелка, похожая на атлас», тур. *katka*, крым.-тат. *kimha*, кит. происхождения (Радлов 2, 490; 1405); ср. Мi. EW 110; Тел. II, 108; Бернекер 1, 477; Корш, там же; ИОРЯС 8, 4, 43» (Фасмер, 2, с. 174 – 175). Аникин также полагает, что лексема вошла в русский язык через тюркское посредничество (алтайское, телеутское, казахское *qatqa* 'камка, китайская шелковая материя', крымско-татарское *kimxa* 'шелковая материя') из персидского *kamhā* ~ *kamhvā* (~ *kimha* 'золотая парча'), восходящего к китайскому *gimhuā* 'то же' [Аникин, с. 249 – 250]. В словаре Даля слово *камка* отмечено в значении 'шелковая китайская ткань с разводами' и сопровождается пометой «малоупотреб.» (Даль, 2, с. 82). В современных донских говорах *камка* употребляется в ином значении – 'грубая ткань' (БТСДК, с. 207), ср. также в «Словаре русских народных говоров» «*Кáмка*, и и *камкá*, и, ж *Лоскуток*» (СРНГ, 13, с. 26).

Одним из сохранившихся в донских говорах старых метрических названий неисконного происхождения является слово *бакша*. Аникин говорит о том, что слово *бакша* как наименование меры сыпучих тел, прежде всего чаю, вероятно, заимствовано из тюркского источника, ср. туб. *bāš* 'голова', тоб. *baš* 'голова, отдельная целая вещь', откуда объясняется южно-красноярское *баш* 'плитка, кирпич зеленого чая' [Аникин, с. 124]. Казаки не только воевали со степными кочевниками, но и в мо-

менты перемирия занимались товарообменом, поэтому появление подобных лексических единиц в диалекте закономерно.

Огромное количество иноязычных апеллятивов отмечается среди хозяйственных наименований, отражающих бытовую, материальную культуру донских казаков. Причем большинство таких наименований и сегодня активно употребляются диалектоносителями. Например, слово *баштан* 'бахча': «*На Дону бахчу и баштанам называют*» (БТСДК, с. 38). Фасмер связывает происхождение слова с тур.-перс. *bostan* «огород» (Фасмер, 1, с. 139), диалектизм хорошо известен в других южно-русских говорах (в СРНГ: «*Баштан, а, м. Бахча. Бурнашев [с указ, «у татар в Новороссии»]. Ворон., Новорж., Терек., Курск., Смол. «Широко применяется на Украине, Дону, Северном Кавказе, Поволжье» (СРНГ, 2, с. 166) и украинском языке, не исключено, что на Дон наименование проникло именно с украинской территории (ср. укр. башта́н 'бахча')*).

Среди заимствованных наименований транспортных средств и их частей в современных донских говорах представлены в основном названия водного транспорта. К таковым относятся *каюк, будара, барка (барок), бот*. Первое наименование (*каюк*) пришло в русский язык и его говоры через посредство тюркских языков (см. у Фасмера: «'лодка, челн', укр. *каюк*. Заимств. из тат., тур., крым.-тат., казах. *кајук* – то же» (Фасмер, 2, с. 215)). Остальные названия этимологи возводят к германским языкам. Учитывая тот факт, что эти названия хорошо известны помимо донских говоров в севернорусских диалектах, следует предположить, что на Дон эти наименования принесли северные переселенцы.

Отдельно следует остановиться на названиях казачьей одежды, имеющих, по мнению этимологов (Фасмера, Черных, Аникина), иноязычное происхождение.

Чекмень – старинная верхняя одежда казаков, удобная для верховой езды. Он шился из сукна в талию, с широкими рукавами, стянутыми в запястье манжетом; по основным линиям кроя и по способу запахивания правой полы на левую напоминает скифский кафтан. Казаки различали *чекмень расхожий* и *чекмень парадный*. *Парадный чекмень* носился в распахку поверх бешмета и холодного оружия, а *расхожий* стягивался поясом, на который снаружи навешивалась шашка. Слово *чекмень* известно в славянских языках и диалектах с давних времен в значении 'крестьянский кафтан, казацкий кафтан с талией': «чекмень, чекменек м. вост. крестьянский кафтан, более исподний; чекменёк, короткий полукафтан, с перехватом; донск. урал. казачий кафтан, чекменик» (Даль, 4, с. 587), укр. *чекми́нь* 'верхняя одежда мещан', *чекман* 'татарская верхняя одежда', польск. *czekman, czechman* – то же (Фасмер, 4, с. 325 – 326). Этимологи единодушно признают слово заимствованным из тюркских языков (тур., тел., чагат., уйг., крым.-тат. 'верхнее платье', тат. 'суконный кафтан') (Фасмер, 4, с. 325 – 326).

Башлык. Суконный головной убор в виде широкого остrokонечного капюшона с длинными концами-лопастями. Служил для укрытия от дождя и холода. Шили башлык из сложенного вдвое куска материи.

Шов проходил сзади. Надевали на шапку. Концы, обмотав вокруг шеи, спускали назад. Иногда носили на плечах, скрестив лопасти на груди, в холодную ясную погоду обвязывали талию. При хорошей погоде или в торжественных случаях башлык вешали сзади на плечах. В русском языке слово известно с первой половины XVII в. в написании «башлак». В начале XVIII в. встречается уже в современной форме. Заимствовано из тюркских языков (тур. *baslik*, азерб. *башлыг*, ногайское *баслык*). Производится от *bas* – ‘верх’, ‘голова’ и суффикса *luk*, обычно употребляемого в названиях одежды, означает ‘головной’, ‘во главе’, ‘на голове’ (Фасмер, 1, с. 139).

Зипун. Вид распашной одежды (часто из верблюжьей шерсти) полуприлегающего, расширенного силуэта, с узкими рукавами, без ворота, надевавшийся поверх рубахи. Представляет собой кафтан без воротника, изготовленный из грубого самодельного сукна ярких цветов со швами, отделанными по рукавам и вороту контрастными шнурами из кожи. Зипун считался очень важным элементом костюма, а походы за военной добычей у казаков назывались *походами за зипунами*. Первые фиксации слова отмечаются ещё в «Домострое». Этимологи расходятся во взгляде на источник появления слова в древнерусском языке. Фасмер считает слово заимствованным из греческого языка. (*ziponí* ‘кофта, куртка’), однако приводит в словаре и точку зрения Радлова, который сближает древнерусское *зипун* с тур. *zybun* ‘куртка с короткими рукавами’ (Фасмер, 2, с. 98).

Среди заимствованных названий диких и домашних животных отмечены следующие слова: *кабан*, *мерин*, *саранча*, *балык*. Все слова, по единодушному мнению этимологов, имеют тюркское происхождение. Так, название *кабан* Фасмер вслед за Радловым, Коршем, Бернекером трактует как «заимствованное из тат., казах., кыпч., азерб. *kaban*» (Фасмер, 2, с. 149). *Мерин* ‘кастрированный жеребец’ в словаре Фасмера определено как заимствование из монгольского *mirin*, *morin* или калмыцкого *mirn* ‘лошадь’, при этом старая этимология из германских языков, предложенная Маценауэром и Преображенским, этимологом отклонена (Фасмер, 2, с. 604). Слово *саранча* признаётся старым заимствованием из тюркских языков, имеет соответствия в других славянских языках (польском, украинском) и толкуется как производное от тюркского прилагательного *saγusa* ‘желтоватый’ (Фасмер, 3, с. 560). Слово *балык* широко известно в говорах Нижнего Дона и Волго-Каспия в значении ‘солёная и вяленая спинная часть осетровой рыбы’, по мнению этимологов (Радлова, Фасмера), является заимствованием из тур., крым.-тат., азерб., кыпч., казах., караим. *baluk* «рыба», алт., тел., леб. *paɣuk* – то же (Фасмер, 1, с. 119).

Немало заимствованных наименований встречается и среди донских названий ландшафтных объектов: *лиман*, *ерик*, *сарма*, *бакланы*, *чиганаки*, *яр*, *туба*, *майна*, *вайгак* и др., все эти слова относятся к лексике активного употребления, демонстрируют широкие семантико-деривационные возможности.

Лимán. В отличие от литературного языка, в котором слово *лиман* определяется лишь как ‘залив’ и ‘озеро’ (Ожегов, с. 285), в говорах название соотносится с бóльшим количеством семем. Записи этой географической лексемы сделаны на значительной части донской диалектной зоны. В части донских говоров *лимán* отмечено в значении ‘низина, заливаемая водой’: “Многа у нас лиманаф послѣ висенних паваткаф, но са времиним высыхают ани” (Мтк.) (АК). В отдельных говорах указанное значение осложнено дополнительными признаками (‘низина в пойме реки’, ‘заливной луг у реки’, ‘яма, залитая водой’, ‘озерцо стоячей воды в заливаемой низине’, ‘болотце на месте старого русла реки’). По данным «Словаря русских народных говоров», в XIX в. *лимáном* на Дону называли ‘чистое озеро без камыша и тростника’, употреблялась лексема и гиперонимически (‘озеро’) (СРНГ, 17, с. 47). В других русских говорах *лиман* употребляется в следующих значениях: ‘небольшое озеро среди болота’ и ‘яма, залитая водой во время разлива’ (новг.), ‘озеро’ (новорос.), ‘низина, заливаемая вешнею, дождевой водою’ (самар., орл., сарат.), ‘низменное болотистое место’ (самар.), ‘низменная местность с оросительными канавами’ (терск.), ‘низкое место, луг на берегу озера’ (иссык-кульск.) (СРНГ, там же). С точки зрения этимологии, *лимán* на сегодняшний день практически единогласно признается старым греческим заимствованием. Слово пришло в древнерусский язык (и затем проникло в диалекты) из греческого, где называло залив, через посредство тюркских языков (Фасмер, 2, с. 487).

Чиганáки. В словаре Даля форма единственного числа *чиганáк* с пометой «дон.» определяется как «озеро, которое в межень почти пересыхает» (Даль, 4, с. 637). В современных донских говорах чаще встречается форма множественного числа *чиганáки*, имеющая значения ‘болотистое место’ («Што сеить на-чиганаки, на-забалочинам мести» (БТСДК, с. 579)) и ‘балка, поросшая лесом’ («Ниска там, чаганаки, лес там» (АК)). *Чиганáки* (*чиганáк*) – сложное в этимологическом отношении слово. Фасмер предлагает связывать его с чагат. *čakanak* ‘залив, гавань’ (Фасмер, 4, с. 359). Вероятно, стоит принять эту версию, поскольку семантические переходы ‘залив’ → ‘низменность, залитая водой’ нередко отмечались у географических лексем. Однако, как нам кажется, нельзя отрицать и народно-этимологического сближения лексемы с местным ботаническим термином *чигá* (разновидность камыша) («Щига – эта есть музга, каторая зарасла асакой, камышом, щигой, ей крышу кроют» (АК)).

Сарма. По нашим наблюдениям, географический апеллятив *сарма́* известен в донских говорах в значениях ‘мелководье’, ‘протока’, ‘брод, пережат на реке’ и ‘глубокое место в реке с быстрым течением’. За пределами Дона *сарма* известно в белгородских и воронежских говорах в значениях ‘глубокое место в болоте’ и ‘болото’ [Запрягаева, с. 113], ср. у Даля: «Сарм’а ж. вост. пережат, порог речной; сарма по твердому, плоскому дну, по сланцу и лещади, и под нею обычно омут, бучало, которое нередко также зовут сармой» (Даль, 4, с. 36). Ареал распространения лексемы весьма компактен: донские, воронежские и белгородские говоры. Интересно отметить, что в украинских говорах наименование не

отмечено, что исключает иррадиацию лексемы с украинской территории. Поэтому целесообразно предположить, что *сарма* возникло внутри очерченной диалектной зоны. Фонетический облик названия предположительно свидетельствует о его заимствованной природе, скорее всего из тюркских языков. Возможно, славянское *сарма* / *сарма* генетически родственно казах. *сор* 'озеро с топким дном, солончаковое озеро', ср. здесь тобольск., томск. *сор* 'обширные поймы, род залива, более или менее постоянного' (Даль, 4, с. 406). Фасмер возводит *сор* в вышеуказанном значении к финно-угорским языкам (ханты **sor*) (Фасмер, 3, с. 720), здесь ср. белозерск. *сора* 'протока'. Прямое влияние финно-угорских языков на южнорусские (белгородские, воронежские, донские) диалекты кажется нам менее вероятным, поэтому мы более склонны рассматривать термин *сарма* как тюркизм, модифицированный при помощи старого славянского суффикса *-м-а*.

Такое количество употребляемых в современных донских говорах заимствований (к этому следует добавить и производные от них слова) в известной степени является свидетельством активного усвоения этой категории лексики русской народно-разговорной речью. Исследование диалектной лексики неисконного происхождения позволяет определить специфику формирования донских переселенческих говоров, которое происходило в условиях диалога различных этнических культур.

Источники материала

АК – Авторская картотека.

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18000 слов и устойчив. словосочетаний / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнит. языкознания. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003.

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1–4.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–46. М.; Л.: Наука, 1965 – 2013.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986 – 1987. Т. 1–4.

Литература

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск: Наука, 2000.

Запругаева М.А. Лексико-семантические особенности ландшафтной лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования – 1995). СПб.: ИЛИ РАН, 1998.

References

Anikin A.E. Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh yazykov. Moskva; Novosibirsk: Nauka, 2000.

Zapryagaeva M.A. Leksiko-semanticheskie osobennosti landshaftnoi leksiki // Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya – 1995). SPb.: ILI RAN, 1998.

Flyagina M.V. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)
On dialectisms of authentic origin in Don dialects

This article analyzes the locally limited vocabulary of authentic origin represented in the dictionary of Don dialects. The emergence of vocabulary authentic origin in the dialect language is the result of cultural and language contacts, which are an integral part of any ethnic culture. Particularly notable was the impact of the Turkic language, related to the pre-Russian indigenous population neighborhoods of Wild Field. Authentic locally marked lexical units reflect the particular social, commodity-money relations, religious beliefs inherent in the culture of Turkic peoples, whose names were borrowed from Russian. Besides Turkisms in the lexicon of the Don dialect, there are also borrowings from other languages – Finno-Ugric, Slavic. Turkisms take the bulk of borrowed words, due to the territorial proximity to the earliest periods of the Don Cossacks. Regional origin covers the entire scope of domestic relations on Don, found among the names of the natural world. Research of dialect vocabulary of authentic origin lets to determine the specifics of formation of Don resettlement negotiations, which took place in a dialogue between different ethnic cultures.

Key words: *vocabulary neiskonnogo origin, cultural and linguistic contacts, resettlement says proper lexical regionalisms.*

Flyagina Marina Valerievna – candidate of philology, professor assistant of common and comparative linguistics dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication. Southern Federal University. Ph.: 8-951-828-00-58; e-mail: flyagina_75@mail.ru